

Еврипид

Алькеста

Эврипид

Алькеста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11699072

Аннотация

«Алькеста» – трагедия великого древнегреческого драматурга Эврипида (480 – 406 до н. э.).***

Царица Алькеста соглашается отправиться в Царство мёртвых вместо своего мужа. Ее жертвой восхищается сам бог Аполлон, который вступает в бой с Демоном смерти, чтобы вернуть ей жизнь...

Другими произведениями Эврипида, дошедшими до наших дней, являются «Медея», «Гераклиды», «Ипполит», «Андромаха», «Умоляющие», «Гекуба», «Смерть Поликсены», «Геракл», «Троянки».

Авторитет Эврипида в мировой литературе неоспорим. Его трагедиям спустя сотни лет подражали многие известные драматурги. Его бессмертные произведения переведены на разные языки мира.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ	7
ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ	9
ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ	13
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	14
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ	18
ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ	18
ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ	23
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ	26
ВТОРОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ	39
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ	41
ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ	41
ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ	44
ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ	48
ТРЕТИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ	50
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ	52
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ	52
ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ	53
ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ	61
ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ	62
ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ	64
ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ	68
ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ	70

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ	75
ЧЕТВЕРТЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ	77
ИСХОД	80
ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ	81
ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ,	91
ПРИМЕЧАНИЯ	92

Еврипид

АЛЬКЕСТА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аполлон

Адмет

Демон Смерти

Евмел

Хор

Геракл

Служанка

Ферет

Алькеста

Слуга

Действие происходит в Фессалии, близ города Фер.

ПРОЛОГ

Сцена представляет фасад дворца в дорийском стиле. Раннее утро. Из дворца выходит Аполлон. На нем поверх одежды колчан, в руках лук.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Аполлон

Вот дом царя Адмета, где, бессмертный,
Я трапезу поденщиков делил
По Зевсовой вине. Когда перуном
Асклепия сразил он, злою долей
Сыновнею разгневанный, в ответ
Я перебил киклопов, ковачей
Его перуна грозного; карая,
Быть батраком у смертного отец
Мне положил: и вот, на эту землю
Сойдя, поднесь стада на ней я пас
И дом стерег. Слуга благочестивый,
Благочестивому царю я жизнь,
Осилив дев судьбы, сберег коварством:
Мне обещали Мойры, что Адмет,
Ферета сын, приспевшего Аида
Избавится, коль жертвою иной
Поддонных сил он утолит желанья;
Царь испытал всех присных: ни отца,
Ни матери не миновал он старой,
Но друга здесь в одной жене обрел,
Кто б возлюбил Аидов мрак за друга.
Царицу там теперь в разлуке с жизнью

И ноги уж не носят. Подошла
Преставиться ей тяжкая година...
Пора и мне излюбленную сень
Покинуть – вежд да не коснется скверна.

*На сцену появляется Демон Смерти, огромный, в развева-
ющейся черной одежде, с ярко-красными губами и большим
черным мечом.*

Уж вот он, смерти демон, этот жрец
Над трупами. В чертог Аидов он
Ее повлечь готов. Как сторож зоркий,
Пройти не даст он роковому дню.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аполлон и Демон Смерти

Демон Смерти

(не приближаясь к Аполлону)

А!.. Ты... опять... Аполлон?

Что забыл? Ты зачем у чертога

Бродишь, Феб, и опять

У поддонных дары

Отнимаешь, обидчик, зачем?

Или мало тебе, что Адмету

Умереть помешал, что искусством

Дев судьбы осилил коварным?

Что рукою за лук берешься?

Разве Пелия дочь не сама

Умереть желала за мужа?

АПОЛЛОН

Дерзай: со мной лишь истина и слава.

Демон

Лишь истина? А этот лук зачем?

АПОЛЛОН

Его носить велит привычка, демон.

Демон

Чтобы домам, как этот, помогать,

Хотя бы против правды, бог, не так ли?

Аполлон

Мне тягостно несчастье друзей.

Демон

И ты лишишь меня второго трупа?

Аполлон

Я силою и первого не брал.

Демон

Он на земле, однако ж, не в могиле.

Аполлон

Сменен женой... И ты пришел за ней.

Демон

Да, чтоб увлечь ее в земные недра.

Аполлон

Что ж? Уноси ее... Разубедить

Едва ли я тебя сумею, демон.

Демон

Не для того ль, державный Аполлон,

И призван я, чтоб убивать мне данных?

Аполлон

На медлящих оковы налагай...

Демон

О, я для них всегда к твоим услугам.

Аполлон

(помолчав)

До старости ты ей не дашь дожить?

Демон

И смерти мил бывает дар почетный.

Аполлон

Но жизнь одну, не больше ж ты возьмешь.

Демон

Нам жизни дар отраднее цветущей.

Аполлон

А у старухи роскошь похорон?

Демон

Иль твой закон рассчитан на богатых?

Аполлон

(иронически)

Вот тонкий ум... Кто мог бы ожидать?

Демон

(продолжая)

До старости от Смерти откупаться...

Аполлон

(помолчав)

Итак, Алькесты мне ты не отдашь?

Демон

Да, не отдам. Ты мой характер знаешь...

Аполлон

Для смертных яд, остуда для богов.

Демон

Недолжного с меня не взять словами.

Аполлон

Как ни жесток ты, Демон, ты уступишь...

Такой сюда от Еврисфея муж
Дорогою пойдет, за колесницей
К фракийцам направляясь, чтоб коней
Царю добыть, из края зим суровых.
И, принят здесь, в Адметовом дому,
Он у тебя царицу силой вырвет.
Бессмертному ты отказал. А все ж
По-моему ты сделаешь. И прибыль
Тебе одна – мое негодование...
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Демон

(один)

Так много слов и даром... И жена
В Аидов дом сойдет... Я к ней приближусь
И до нее мечом коснусь... а чьих
Мой черный меч волос коснется, ада
Уж посвящен властительным богам.

(Входит в дом.)

Во дворце воцаряется полная и зловещая тишина. На орхестру спускается хор ферейских граждан. Сначала немая сцена. Ферейцы сходятся в группы, расходятся и, глядя на дворец, знаками высказывают друг другу свои недоумения. В их движении чувствуется сдержанная тревога.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ ХОРА

На оркестру вступает хор.

Хор

Какой тишиною чертог объят!..
Как немые палаты Адмета.
Нигде... ни души... Скажите ж:
Мне оплакать ли Пелия дочь,
Иль царица Алькеста жива еще
И лучи еще видят солнца
Ту, которой из жен для мужа
Благородней в мире не знаю?..

Первое полухорие

Строфа I

В чертоге не внемлешь ли стонам?
Иль скорби ударам глухим?..
Пауза: прислушиваются, потом тихо:
Там стон не сказал ли: «Свершилось?»

Второе полухорие

Слуги у ворот

На страже не вижу... Безвестьем
Томлюсь я... Но бедствия волны
Не ты ль, о Пеан, рассечешь?

Первое полухорие

Над мертвой бы там не молчали...

Второе полухорие

Она умерла...

Первое полухорие

Ее унести не могли же.

Второе полухорие

Как знать?.. Сомневаюсь и страшно...

Но что ж ободряет тебя?

Первое полухорие

Ужели б Адмет

Безлюдным бы выносом тело

Любимой жены опозорил?

Второе полухорие

Антистрофа I

В воротах чертога не вижу

Обряда воды ключевой.

Покойника не было в доме.

Первое полухорие

Я сбритых волос,

Что в скорби с голов упадают,

Не вижу... Там юные руки

О перси в печали не бьют...

Второе полухорие

Но день роковой не свершился.

Первое полухорие

Какие слова!

Второе полухорие

Землей ей сегодня покрыться.

Первое полухорие

По сердцу и мыслям провел ты
Мне скорби тяжелым смычком.

Второе полухорие

Коль смертью, кто благ
И людям всегда был полезен,
Терзается, как же не плакать?

Первое полухорие

Строфа II

Куда бы ни слать корабли
С дарами по влажному лону,
К святыням ликийской земли,
К безводному ль Аммона трону,
Напрасно бы длился их путь...
Уж к солнцу души не вернуть
Со скал неприступно-отвесных...
Какого ж мне бога молить
И крови овечьей полить
Кому на алтарь из небесных?

Второе полухорие

Антистрофа II

О, если бы солнца лучи
Рожденному Фебом светили,
Алькесту из адской ночи

Ворота б теперь отпустили.
Имел воскресителя дар
Асклепий... Но тяжкий удар
Перуна небес огневого
Уносит и мощь и красу...
К кому же теперь вознесу
С надеждой молящее слово?
Эпод Все было сделано царем...
Тут были жертвы без числа,
И кровь пред каждым алтарем
Без меры чистая текла,
Но исцеленья нет от зла.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, и из дворца выходит служанка. Она не в трауре, но в слезах. Пока она спускается в оркестру.

Корифей

Постойте. Вот выходит из чертога

Прислужница в слезах... Какую весть

Она несет? Печалию облечься

Простительно пред царскою бедой.

Хор окружает служанку со знаками живейшего внимания.

Жива ль она, царица, или смертью

Осилена?.. Мы бы хотели знать...

Служанка

Считай ее живущей и умершей...

Корифей

Иль человек умерший видит свет?

Служанка

Она томится расставаньем с жизнью.

Корифей

Адмет, Адмет! Кого теряешь ты?

Служанка

Лишь мертвую ее Адмет оценит.

Корифей

Спасти ее надежды больше нет?

Служанка

Сужденный день творит над ней насилье.

Корифей

Как? Иль на смерть ее собирают там...

Служанка

Уж и наряд готов, в чем муж схоронит.

Корифей

О, славная решимость умереть,

О, лучшая из жен под солнцем дальним!

Служанка

Да, лучшая. Кто станет возражать?

Иль что же сделать надо, чтобы лучшей

Из женщин быть? И если кто умрет

За мужа, разве можно предпочтенье

Ему ясней воздать?.. Но это весь

Уж город знает... Ты ж послушай лучше

И подивись, что было в доме, старец...

Когда свой день последний между дней

Она узнала, то водой проточной

Умыла кожу белую... Потом

Из сундука кедрового достала

Одежду и убор и убралась

Так хорошо. И, став у очага,

Взмолилася владычице: «Богиня,

Меня Аид в свой темный дом берет.
И я теперь в последний раз припала
К тебе: храни моих сирот, молю.
Ты сыну дай жену по мысли, мужа
Дай дочери достойного, и пусть
Не так, как мать, без времени, а в счастье,
Свершивши путь житейский и вкусив
Его услад, в земле починут отчей».
И сколько есть в чертоге алтарей,
Все обошла с молитвой и листвою
Венчала их зеленою она
И свежую от мирта! Но ни стона,
Ни плача бог не принял, и над ней
Нависшая гроза не омрачила
Ее красы сиянья благородной...
От алтарей в венчальный свой покой
Она вошла, и здесь, увидев ложе,
Заплакала царица и сказала:
«О ложе, ты, что брачный пояс мой
Распущенным увидело, – прости!
Я не сержусь, хоть только ты сгубило
Меня: тебе и мужу изменить
Боялась я, и видишь – умираю.
Другой жене послужишь ты – она
Верней меня не будет, разве только
Счастливее». И, на постель припав,

Лобзаннями ее царица кроет,
И реки слез сбегают на постель.
Потом уж ей и плач насытил сердце,
А с ложем все расстаться не могла.
За дверь уйдет, оглянется и снова
И снова в спальню кинется. А тут
За пеплос ей цеплялись дети с плачем,
И на руки брала Алькеста их:
То дочь она, то целовала сына,
Благословляя их, – и сколько нас
В Адметовом чертоге, каждый плакал,
Царицу провожая. А она
Нам каждому протягивала руку;
Последнего поденщика приветом
Не обошла, прощаясь, и словам
Внимала каждого. Вот повесть зол
Адметовых. Когда бы сам он умер,
От горя бы ушел он, но, от смерти
Спасенный, мук уж не избудет он.

Корифей

О, сколько слез сегодня им прольется!
Легко ль жену такую потерять?

Служанка

Из рук ее, любимую, не хочет
Он выпустить. И на руках его,
Томимая недугом, тихо тает

Алькеста – сил у ней уж больше нет,
А все-таки, пока еще дыханье
В груди не прекратилось, поглядеть
Ей хочется на солнце. Но вернусь
И расскажу, что ты пришел, владыкам.
Увы! не все так близки, чтоб в беде
Сочувствие высказывать, – ты ж верный
И давний друг моих господ, – я знаю.
(Уходит в дом.)

ПЕРВЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Первое полухорие

Строфа

Где ж выход, о Зевс, из этого зла, где выход найду я?

И царскому дому узла

Ужель не развяжешь ты, бог?

Второе полухорие

Но выйдет ли кто? Не время ль ножу

Коснуться волос и черным

Мне скорби одеться покровом?

Первое полухорие

Близок уж, близок конец:

Все же молиться, друзья,

Будем молиться:

Сила безмерна богов.

Хор

О владыка Пеан,

Ты защиту царю обрети.

И подай ее, боже, подай...

Будь и ныне, Пеан, как тогда,

Избавителем наших царей,

И да сгинет кровавый Аид

Перед силой твоею, Пеан.

Второе полухорие

Антистрофа

Увы!

Как будет сын Ферета жить?

С ним нет благородной жены.

Первое полухорие

Не нож ли его достойно прервет

Удел, иль в воздухе петля

Адметову шею обымет?

Второе полухорие

Не дорогую жену,

Ту, коей нету дороже,

В день этот тяжкий

Мертвой увидит Адмет.

Двери чертога открываются широко, и оттуда показывается шествие. Среди заплаканных, но сдержанных служанок и нескольких старых рабов идет Адмет, он несет на руках Алькесту. Позади старый и хромой раб-педагог ведет за руку Евмела и его сестру. В толпе, которая следует за ними, есть жрец и доктор.

Второе полухорие

О, гляди же, гляди:

Из чертога выходят... идут...

О, стеной: возопи, о земля,

Вы оплачьте, фереицы, жену,

Что, недугом томимая злым,

Из чертогов царя перейдет
В подземелье Аидово днесь.

Шествие останавливается на авансцене. Суета. Движение в толпе слуг. Приносят в оркестру низкое ложе. При последних словах хора Адмет осторожно кладет Алькесту, бледную и слабую, на ложе и становится в ногах, а служанка в головах царицы.

Хоревты приветствуют царскую семью поклонами.

Хор

(сдержанно)

Нет, никогда не сочту
Радостей брака сильнее
Тяжкой его печали.
Участь царя Адмета
Ярче, чем старый опыт...
Как, о, как будет жить он
В этих пустых чертогах?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Адмет, Алькеста, дети, свита. Все затихло. Все взоры обращены на Алькесту.

Алькеста

(приподнимаясь на ложе)

Строфа I

Солнце веселое, здравствуй!

В вихре эфирном и ты,

Облако вольное, здравствуй!

Адмет

Пусть видит нас обоих несчастливцев:

Богов ничем не оскорбили мы.

Алькеста

Антистрофа I

Ты, о земля, и чертог наш,

Девичий терем и ты,

Город мой отчий... простите!..

(В изнеможении опускается на ложе.)

Адмет

Приободришь, несчастная, не выдай!..

Властителей небесных умоляй!..

Пауза.

Алькеста *(с изменившимся от ужаса лицом молчит с минуту, только перебирая губами. Потом поднимает к небу*

тонкие, белые руки, приподнимается сама, глаза ее расширяются. Она указывает вдаль)

Строфа II

Уж вот они... вот... на воде...

Челнок двухвесельный, и там

Меж трупов Харон-перевозчик,

На весло налегая, зовет...

«Что медлишь?

Что медлишь? – кричит. – Торопись...

Тебя только ждем мы... Скорее!»

Из толпы служанок вырывается рыдание.

Адмет

О, горе нам! Печальный этот путь

Зачем себе сулишь? О, горе, горе!

Алькеста

(встает и берет Адмета за руку)

Антистрофа II

Уводит... Уводит меня.

Не видишь ты разве? Туда,

Где мертвые... Пламенем синим

Сверкают глаза... Он – крылатый.

Ай... Что ты?

Оставь нас! В какой это путь

Меня снаряжаешь?.. Мне страшно...

Рыдания усиливаются, переходя в истерический плач.

Плачущих выталкивают, уводят по знаку Адмета.

Адмет

То скорбный путь... О, как теперь он детям
И мне тяжел!.. Печаль одна у нас...

Пауза.

Алькеста под влиянием своих болезненных видений покинула ложе. Теперь, когда галлюцинации оставляют ее, ослабевая, она глазами ищет опоры. И наконец, вся бледная, припадает к Адмету, который держит ее прислонив к своей груди и

молча ласкает ей волосы. Молчаливая сцена, потом

Алькеста

(тихо)

Эпод Оставьте, оставьте... меня...

Стоять не могу... Положите...

Аид надо мною...

Ночь облаком глаза мои покрыла...

Внезапная вспышка силы.

О, дайте мне детей моих, детей... *(Порывисто ласкает детей, которые с громким плачем прижимаются к ней, сидя на ложе, на которое Адмет ее посадил.)*

Нет матери у вас, нет больше мамы...

Прощайте... Пусть вам солнце светит, дети...

(Отстраняя детей, откидывается на ложе.)

Адмет

(склоняясь над нею)

Увы мне! Увы мне... Слова

Такие мне смерти больнее...

О нет, дорогая, о нет...

Ты нас не оставишь...

Ну, ради детей...

Неужто сирот ты покинешь?

О, будь же добрее... Тебя

Не станет... и я не жалец ведь,

В тебе наша жизнь, наша смерть.

Любовь твоя – это алтарь мой.

Алькеста (*мало-помалу приходит в себя и начинает говорить, сначала тихо, с остановками; потом речь идет свободнее*)

Еще живу, Адмет... Ты видишь, как?

Последнюю пора поведать волю:

Я жизнь твою достойнее своей

Сочла, Адмет, и чтобы мог ты видеть

Лучи небес, я душу отдала.

О, жить еще могла бы я и мужа

В Фессалии избрать себе по мысли,

С ним царский дом и радости делить.

Но мне не надо жизни без Адмета

С сиротами... И юности услад

Я не хочу, с тобой не разделенных...

Пауза.

Отцом и матерью ты предан... А они

До старости уж дожили в довольстве,

Ты был один у них.

И умереть

Они могли бы честно, уступивши

Тебе сиянье солнца: на других

Детей у стариков ведь нет надежды...

И я могла бы жить, да и тебе

Оплакивать жены б не приходилось,

С сиротами вдовея... Видно, так

Кто из богов судил... Да будет воля

Его... А мне одно ты обещаешь.

О мзде прошу неравной: ведь ценнее,

Чем жизни дар, у человека нет...

Ты скажешь сам, Адмет, что справедливо

Желание мое... Люби детей (*лаская детей*),

Как я люблю их! Ты ж их любишь? Правда?

Ведь не безумец ты... О, сохрани

Для них мой дом! Ты мачехи к сиротам

Не приводи, чтоб в зависти детей

Моих она, Адмет, не затолкала,

Не запугала слабых... И змея

Для пасынков ее не будет злее.

Пусть сын в отце защитника найдет.

Но ты (*привлекает с ласкою дочь*), дитя, когда

невестой будешь,

В жене отца найдешь ли мать? Тебя

Убережет ли чистой?.. Доброй славы

Твоей не опорочит ли и брак
Не сгубит ли надежду целой жизни?
Увы! Не мне невестой жениху
Тебя вручать, и в муках материнства
Не мать тебя поддержит, – а милей
Нет никого родимой в этих муках.

Пауза.

*Она молча ласкает дочь. Евмел стоит молча с опущенной
головой, вырвав руку у дядьки.*

Я умереть должна... И смерть придет
Не завтра... мне и дней считать не надо...
Минута, и Алькесту назовут
Средь тех, кто жил...

*(Приподнимается и воздевает руки с благословением сна-
чала над Адметом, потом над детьми.)*

Да будет счастье с вами!
С тобой, Адмет: ты добрую жену
Имел, – гордись. Вы ж, дети, материнской
Живите славой, светлы на земле...

Корифей

Спокойна будь, царица. Если разум
В нем есть, жены исполнит волю царь.

Адмет

О да, о да! Все сделаю, не бойся!
Ты мне была женою на земле
И под землей схоронишь это имя.

Нет, ни одна из фессалийских дев
Не назовет меня супругом. Разве
Рождением иль красотою кто
Из них дерзнет с тобою спорить? Дети
Довольно их с меня. О них богам
Молиться мне, коль не сберег тебя я.
А по тебе я траур и не год,
Всю жизнь носить, Алькеста, буду, сколько
Пошлют мне боги дней; отца ж и мать
Родимую век ненавидеть буду.
Их на словах любовь была, а ты,
Ты жертвою великой сберегла
Душе моей отрадное дыханье...
О, мне ли, мне ль не плакать, потеряв
Любовь такой жены?.. Пиры и шутки,
Веселый круг друзей забуду я
Увенчанных, и Муз, царивших в доме...
И никогда до струн уже рукой
Я не коснусь... души ливийской флейтой
Не облегчу унылой, – ты взяла
Из этой жизни радость...
Мастерам же
Я закажу, чтоб статую твою
Мне сделали, и на постель с собою
Ее возьму, чтоб ночью обнимать,
Звать именем твоим, воображая,

Что это ты, Алькеста, что тебя
Я к сердцу прижимаю... Это – радость
Холодная, конечно, все же сердцу
С ней будет легче. В грезах, может быть,
Ко мне сойдешь ты, утешая.
Сладко
Увидеться друзьям, хотя бы в сонном
Мечтании, и каждая минута
Им дорога свидания. О, если б
Орфея мне слова и голос нежный,
Чтоб умолить я Персефону мог
И, гимнами Аида услаждая,
Тебя вернуть. Клянусь, ни Кербер адский,
Ни на весло налегший там Харон
Желаний бы во мне не охладили,
Пока б тебя я солнцу не вернул...
Пауза.

Адмет ласкает волосы Алькесты. Алькеста все время лежала с закрытыми глазами. Она закрыла их после того, как Адмет перестал говорить о детях.

Теперь она снова их открывает.

Адмет

(после слез, с которыми он справился)

Ты будешь ждать меня? Не так ли? Дом ты
Для нас там приготовишь, чтоб его
Делить со мной, когда умру? А в мире

В один кедровый гроб похоронить
Обоих нас велю я. С милой рядом
В нем лягу я, и смерть не разлучит
С подругою меня неизменившей...

Корифей

И я с тобой покойную, и я
Оплачу, царь: она достойна плача.

Алькеста (*к детям*)

Вы слышали, о дети, ваш отец
Не женится. Он женщине над вами
Чужой не даст хозяйничать – меня
Не обесчестит он, – он обещал мне...

Адмет

И повторю: я выполню, о да!..

Алькеста

(*Адмету*)

Детей из рук моих прими – я верю.

Адмет (*обнимая детей*)

О! Милый дар и из любимых рук.

Алькеста

Ты замени им мать отныне, бедным.

Адмет

Придется быть... без матери... за мать.

Алькеста

О дети, жить хочу... Темна могила.

Адмет

А я, увы! Как буду жить... теперь?

Алькеста

Года залечат рану, – что нам мертвый?

Адмет *(с возрастающим чувством)*

Возьми меня с собой, молю, возьми...

Алькеста

Довольно с них одной меня, с подземных.

Адмет

Кого от нас, кого берешь ты, бог!

Алькеста *(ложится и больше уже не приподнимается)*

Глаза мои под иглом ночи тяжелой...

Адмет

Погиб тобой покинутый, погиб...

Алькеста

Меня уж нет... Ничто я... Нет Алькесты.

Адмет

Приподними лицо, хоть для детей.

Алькеста

Я не могу, Адмет. Прощайте, дети!

Адмет

Взгляни на них, взгляни...

Алькеста

Алькесты нет.

Адмет

Что делаешь? Уходишь?

Алькеста

Да.

Адмет

О, горе!

Корифей

Нет меж живых Адметовой жены.

Минутная пауза.

Все молча склоняются перед Алькестой. Адмет закрыл лицо руками. Молчание прерывает Евмел, порывисто бросаясь к телу матери.

Евмел

Строфа

Горе, о, горе мое!

В землю родная ушла.

В темной могиле, отец,

Солнцу ее не согреть.

Сыну ж зачем сиротой,

Злая, велела ты жить?

(К отцу.)

О, посмотри на нее:

Веки запали, и рук

Страшен холодный покой.

(Снова к матери, тихо касаясь ее руки.)

Мать, послушай меня,

Сына послушай, молю.

(Целуя ее.)

Это к холодным губам

Твой детеныш припал.

Адмет

Не слышит нас она, не видит, дети...

Мы тяжкою поражены бедой.

Евмел (*приближаясь к отцу*)

Антистрофа

Рано я стану, отец,

В доме твоём сиротой,

Я ведь один у тебя...

Сколько я видел уже

Страшного в жизни, отец. (*Прижимается к нему и рукой ищет взять руку сестры, которая молча смотрит на мать.*)

Бедствия вместе со мной

Ты выносила, сестра,

О, не на радость себе

Сватал жену ты, отец;

Старости вместе достичь

Вам не пришлось, и теперь

С той, что покинула нас,

Гибнет старинный наш дом.

Корифей (*подходя к Адмету*)

Адмет, терпеть злосчастье нам неволя:

Не первый ты и не последний ты

Достойнейшей лишаешься супруги:

Держи в уме, что мы и все умрем.

Адмет *(с достоинством)*

О, это зло обрушилось не сразу.

Я знал о нем и раньше и давно.

Терзался я, к нему готова мысли.

Но мертвой мне устроить вынос надо,

Останьтесь здесь. И богу адских сил

Сухой пеан воспойте, чередуясь.

(Обращаясь к окружающим, причем слуги отступают.)

Я подданных в Фессалии моих

Сим разделить прошу со мною траур:

Отрежьте кудри, черное наденьте,

Четверкам же и одиночкам гривы

Прошу скосить железом, – и ни флейт,

Ни лиры шум да не наполнит улиц,

Двенадцать лун покуда протечет...

Покойника милее не придется

Мне хоронить... Не заслужил никто

Передо мной почета высшей жертвой.

Слуги наскоро обряжают покойницу. Адмет уходит в дом.

ВТОРОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Строфа I

О Пелиада, радость
В дом принеси Аида,
Лица не зревший солнца,
Ты же, Аид черновласый,
Бог и старый кормчий,
Мертвых в ладье еловой
Тяжким веслом влекущий,
Знайте: волна Ахеронта
Лучшей жены не видала.

Антистрофа I

Часто тебя любимцы
Муз семиструнной лирой,
Часто безлирным гимном
В Спарте восславят в Карнейский
Ярко-лунный месяц.
Будут тебя и Афины
Ясноблаженные славить.
Сколько певцам благородных
Песен Алькеста оставит!

Строфа II

О, если бы мог я, о боги!

К свету вернуть царицу
Из теремов Аида,
От стонущих струй Кокита.
Нет тебе равной в женах,
Нет той любви больше,
Если в юдоль мрака,
Мужа сменив, сойдешь ты...
Да будет легка над тобою
Земля, царица, а муж твой,
Коль ложе возьмет иное,
Как детям твоим, он будет
И нам всегда ненавистен.

Антистрофа II

Ни матери не было воли
Сына спасти, в землю
Кости свои сложивши,
Ни воли на то отцовской
Смертью спасти родного.
А ведь как лунь седы.
Ты же, как цвет вешний,
В землю пошла за мужа.
Вот если б такую подругой
Украстить мог бы я век свой.
Увы! То не частая доля,
Не знали бы с ней мы горя,
Покуда бы дни делили.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Со стороны чужестранцев входит Геракл. Львиная шкура, палица и лук с колчаном.

Он не сходит в оркестру.

Геракл

Почтенному ферейскому гражданству...

Застану ль я Адмета во дворце?

Обмениваются поклонами.

Корифей

Он дома, сын Феретов. У Геракла ж

В Фессалии, конечно, дело есть,

Коль к городу ферейскому подходит?

Геракл

Да, от царя тиринфского наказ.

Корифей

Куда ж, Геракл, в какой ты путь снаряжен?

Геракл

За четверней иду я, что царю

Фракийскому покорна, Диомеду.

Корифей

Но как возьмешь? Скажи, фракийца знаешь?

Геракл

Нет, не видал. В стране бистонской нам
Еще побывать не доводилось, люди.

Корифей

Без боя там коней тебе не взять.

Геракл

Но как же мне от дела отказаться?

Корифей

Убьешь его иль мертвый ляжешь сам...

Геракл

Не в первый раз в глаза глядеть и смерти.

Корифей

Но и царя убьешь... Что пользы в том?

Геракл

Его коней отдам я Еврисфею.

Корифей

Узду на них накинуть не легко.

Геракл

Не пламенем они ж, надеюсь, дышат?

Корифей

Их челюсти жуют мужей, Геракл.

Геракл

(с недоверием)

О хищниках ты говоришь нам горных?

Корифей

Я говорю о стойлах их, герой;

Увидишь сам: они покрыты кровью.

Геракл

Но чей же сын их вырастил, скажи?

Корифей

Арея сын, золотых щитов державец.

Геракл

Да, такова судьба моя, – суров

Геракла путь, все круче путь мой тяжкий.

Ужели ж бой со всеми на роду

Написан мне, рожденными Ареем?

То Ликаон, то Кикн, а вот еще

И третий сын, коневладыка этот,

Которого я должен одолеть.

Но не видать лучам, чтоб сын Алкмены

От вражеской десницы убегал...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Адмет, в трауре, обритый, заплаканный.

Корифей

А вот и сам хозяин, из чертога

Выходит царь Адмет, наш повелитель.

Адмет

(кланяясь Гераклу)

О, радуйся, сын Зевса, Персеид.

Геракл

(возвращая поклон)

Ты радуйся, владыка фессалийский!

Адмет

О, пусть бы так, товарищ, пусть бы так.

Геракл

(оглядывая его)

Ты в трауре... Острижен... Что причиной?

Небольшая пауза.

Адмет

(собравшись с силами)

Сегодня мне придется хоронить...

Геракл

Не из детей кого? Избави боже...

Адмет

Рожденные Адметом живы все.

Геракл

Отец для смерти зрелый... Уж не он ли?

Адмет

И он, и мать моя еще живут.

Геракл

Но не жена, конечно ж, не Алькеста.

Адмет

(с усилием)

Я надвое могу сказать о ней.

Геракл

Жива она иль умерла, скажи мне?

Адмет

Жива и нет – печалит – это так...

Геракл

(подумав)

Я ничего из слов твоих не понял.

Адмет

(помолчав)

Ты о судьбе ее, скажи, слыхал?

Геракл

Что за тебя на смерть решилась? Слышал.

Адмет

Тогда могу ль сказать: «Она живет»?

Геракл

Оплакивать как будто все же рано.

Адмет

Кто смерть принять готов, уж не жилец.

Геракл

Но быть или не быть одно ль и то же?

Адмет

Ты судишь так, я иначе, герой.

Пауза.

Геракл

Но плачешь ты? Иль ты утратил друга?

Адмет

Жену, Геракл, и только что притом.

Геракл

Она была чужая иль из кровных?

Адмет

Чужая, да! Но близкая семье.

Геракл

Но здесь, у вас, как дни пришлось ей кончить?

Адмет

Нам от отца досталась сиротой.

Пауза.

Геракл

Ты в трауре... Мне очень жаль, Адмет...

Адмет

(с живостью)

К чему, скажи, ты эту речь склоняешь?

Геракл

Пойду искать другого очага.

Адмет

О, это – нет... Недоставало горя...

Геракл

Печальному, Адмет, не сладок гость.

Адмет

Усопшему – земля, а дом – для друга...

Геракл

Средь плачущих зазорно пировать...

Адмет

Покой тебе особый отведу.

Геракл

Уйти мне дай – навек меня обяжешь...

Адмет

Нет, не бывать тому, чтоб очага

Ты шел искать другого.

(Слуге.)

Чужестранца

На тот конец проводишь, дальний зал

Ему открыв гостиный, ты прикажешь

Служителям пришельца угостить

По-царски, раб. Да двери затворите

Срединные. Стенанья портят пир,

А огорчать не подобает гостя...

Раб сначала идет вперед неохотно, но под влиянием строгого взгляда Адмета, забежав вперед, с поклоном открывает Гераклу двери.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Без Геракла.

Корифей

Что ты творишь, Адмет? В такой беде
И принимать гостей – ты помешался?

Адмет

(без злобы, но нетерпеливо)

Спрошу и я: а прогонять гостей
Из дома и из города похвальней?
Иль, может быть, тем горе облегчу,
Что я к гостям черствее сердцем буду
И к бедствию домашнему придам
Молву о том, что в Ферах нравы дики?
Небось судьба в безводную когда
Меня страну аргосскую приводит,
Мне ласковый хозяин тоже мил.

Корифей

Но для чего ж, коль это друг надежный,
От пришлеца ты горе утаил?

Адмет

Как для чего? Да если б бед моих
Хоть часть он знал, ужели б он порога
Переступил черту? Я знаю сам,
Что он безумным так же, как и ты,

Меня бы счел, но дом Адметов гостя
Ни выживать, ни оскорблять не даст.
(Поспешно входит в дом.)

ТРЕТИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Хор

Строфа I

Слава, слава тебе, о свободных мужей чертог открытый!
Лиры нежно звучащей царь,
Сам тебя бог юдолюю,
Бог избрал пифийский...
Здесь он, овцехранитель,
Пастырь меж скалоизломов,
Тешил тебя свирелью,
Стадо на луг сзывая.

Антистрофа I

Чар мелодии ждали пятнистые рыси там,
Офрис горный кидали львы;
Грив золотых султаны
Мерно к тебе склонялись.
Чащу елей зеленых
Пестрая лань покидала,
Звукам свирели рада,
Робкая, здесь резвилась.

Строфа II

Где овец бессчетных поят
Волны светлые Бебиды,

И до тех пределов дальних,
Где в эфирный мрак на отдых
Ставит Гелиос усталых,
Заморившихся коней,
Что ни вспаханное поле,
Что ни тучный луг зеленый
От Молосского предела
До Эгейского побережья,
Где ладьи не знают волны,
Где царит высокий Пелий,
Все – Адметово наследье.

Антистрофа II

И теперь пред гостем дальним
Распахнул он двери дома,
Хоть туманятся слезами
Над покойницей недавней,
Над Алькестой, сердцу милой,
Очи светлые царя.
Благородный дух и в горе
Чести голосу послушен.
Будьте добрыми – и мудрость
Вы найдете. Я дивлюся,
И надежда в сердце крепнет,
Что богов служитель верный
От богов заслужит милость.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Адмет в сопровождении траурной свиты показывается в дверях. Обращаясь к хору и толпе фессалийцев, он отходит к дверям, которые широко раскрываются для ожидаемой процессии, но не сходит в оркестру.

Адмет

(с приветом, полным царского достоинства)

Мужи фереийские! Вы все, кого
Сочувствие сзывает к скорби нашей!

Покойницу убрали и сейчас
Ее несут в могилу. Чтя обычай,
Последнее скажите ей «прости»
Перед ее последнею дорогой.

Хор молча кланяется. Пауза.

Корифей

(к Адмету)

Но посмотри – дрожащею стопой
Сюда отец спешит твой. Следом свита
Убор несет, усладу мертвецов.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Ферет в сопровождении небольшой траурной свиты и сам в глубоком трауре и выбритый приходит с домашней стороны. Слуги несут благовония, белую тонкую фату и ожерелье. Адмет выжидает молча, не кланяясь и не делая ни шага навстречу.

Ферет

Делить печаль твою, дитя, пришел я.

Покойница – возможны ль споры тут?

Была женой примерной, ты супруги

Лишился целомудренной. Увы,

Рабам судьбы не сбить упорством ига...

Прими убор

Рабы подносят Адмету дары по знаку Ферета. Адмет стоит, молча опустив руки.

вот этот – пусть идет

С усопшей в могилу. Как же праха

Той не почтить, которая твою

Ценою дней своих нам жизнь купила,

Дитя мое, которая дала

Остаток дней и мне прожить спокойно

В сознании, что я – отец? Средь жен

Славнейшее она оставит имя...

Адмет знаком отклоняет дары. В это время из ворот по-

казывается процессия с высоко поднятыми носилками, где лежит мертвая Алькеста. Слышатся рыдания. Хоревты и слуги простирают руки навстречу Алькесте, Ферет делает несколько шагов по направлению навстречу телу, но по знаку Адмета слуги ставят тело Алькесты в отдалении от старика.

Ферет

(издали обращаясь к телу)

О спасшая Адмета и его

Родителей подъявшая из праха,

Привет тебе! Да благо снизойдет

На дивную в Аидовом чертоге.

(Склоняется глубоко и рукою касается земли; потом, поднявшись, к хору.)

Сокровище – в подобных: на иной,

Поверьте мне, не стоит и жениться...

Адмет

(заступая тело Алькесты)

Незванный гость на скорбном торжестве,

Среди друзей считать тебя не смею,

Возьми назад убор свой. Никогда

С покойницей он не сойдет в могилу.

С сочувствием ты опоздал. Когда

Над головой висела смерть моею,

Ты не пришел, старик, ты пожалел

Остатком дней пожертвовать.

Зачем же

Над юностью, загубленной тобою,
Теперь приходишь плакать? Обличен

Перед людьми достаточно, едва ли
Ты даже был моим отцом, старик.¹

О, средь мужей запятнан ты навеки
Бездушием отныне. Осушить

Свой кубок и жалеть последней капли,

Чтобы спасти родного сына... Да,

Вы с матерью дозволили спокойно

Чужой жене вас заменить. Так пусть

Отца и мать в ней хороню сегодня.

Пауза.

Твой век так мал уж был. Какой бы мог

Ты совершить своею жертвой подвиг,

Приобрести какую славу...

Здесь

Ты испытал все счастье человека:

От молодых ногтей ты был царем,

Наследника имел ты. За тобою

Все не пошло бы прахом. Не дерзнешь

Ты утверждать, конечно, чтобы старость

Я оскорблял твою, что не был я

Почтителен. О, за мои заботы

---

¹ Едва ль и та, что матерью слывет,Родами похваляясь, в самом делеМне мать;
дита рабыни назвалаСвоим она и приняла на лоно.

Вы с матерью мне заплатили щедро...
Поторопись, пожалуйста, родить
Еще детей, старик, не то кто будет
Тебя кормить и, если наконец
Умрешь, твой труп кто уберет, кто вынос
Устроит твой? Не я же, не Адмет...
Он для тебя давно в земле. И если
Еще он видит солнце, то кормильцем
И сыном быть обязан не тебе...
О, старики так часто смерти просят,
А стоит ей приблизиться – никто
Уж умирать не хочет. Старость тотчас
Становится отрадною для них.

Корифей

Ну, будет же. Как будто мало горя
Того, что есть, – не раздражай отца!

Ферет

*(после некоторого промедления, когда он, по-видимому,
борется сам с охватившим его волнением)*

Но что за тон, мой сын! Себе лидийца
Иль ты раба фригийского купил?
Советую припомнить: фессалиец,
Свободный сын свободного отца
Перед тобой. Слова ж твои ребячьи
Меня задеть не могут. Я родил
И воспитал тебя, чтоб дом отцовский

Тебе отдать, а вовсе не затем,
Чтоб выкупать тебя у смерти жизнью.
Обычая между отцовских я
Такого не припомню и как эллин
Всегда считал, что, счастлив кто иль нет,
Таков удел его.

Мой долг исполнен:

Над многими ты царь, твои поля
Умножились. Отцовское оставлю
Я полностью Адмету. Чем, скажи,
Обижен ты? Чего лишил тебя я?
Просил ли я, чтоб ты заменой был
Мне в доме том бессолнечном? Нимало.
И ты меня о том же не проси.
Сам любишь жизнь ты, кажется. В отце
Зачем признать любви не хочешь той же?

Пауза.

А право, как подумаешь, что век
В земле лежать, так этот промежуток
Короткий здесь еще дороже станет...
Тебя ль учить мне, впрочем? За него
В борьбе с судьбой Адмет, ожесточившись,
Не пощадил жены... Но как же он
Клянет мою, своей не видя, трусость,
Во цвете лет женою побежден.
Придумано отлично... хоть и вовсе

Не умирай, сменяя верных жен...

И у тебя других хватает духа

За то, в чем сам виновен, упрекать.

Молчи, дитя: жизнелюбивы все мы...

На брань твою – вот строгий мой ответ.

Корифей

Отец и сын, вы перешли границу.

Но перестань, старик, его бранить.

Адмет

Пусть говорит; отвечу я: коль правдой

Затронут он, зачем топтал ее?

Ферет

Я б растоптал ее, коль точно б жизнью

Своей купил тебе я жизнь, Адмет.

Адмет

Смерть старика и юноши равны ли?

Ферет

Жить всем нам раз приходится, не дважды.

Адмет

Переживи ж хоть Зевса, коли так...

Ферет

Но клясть отца за что же, не пойму я.

Адмет

В тебе желанье жизни – это все.

Ферет

(указывая на носилки, строго)

А там кого ж Алькеста заменила?

Адмет

Ты видишь там свою вину, старик.

Ферет

Иль за меня ее хоронят, скажешь?

Адмет

Увы! Увы!

(в сторону)

Когда б нужда ему во мне пришла.

Ферет

Почаще жен меняй, целее будешь.

Адмет

Тебе ж стыдней. Зачем себя щадил?

Ферет

О, этот факел бога так прекрасен.

Адмет

И это муж? Позор среди мужей...

Ферет

Ты в гроб меня насмешкой не уложишь.

Адмет

Но славы смерть тебе не принесет.

Ферет

До мертвого бесславье не доходит.

Адмет

Такой старик... И хоть бы тень стыда...

Ферет

(указывая на труп Алькесты)

Вот в этой был и стыд, да без рассудка.

Адмет

Уйди, молю. Дай схоронить ее.

Ферет

Не задержусь. А ты, женоубийца,

Алькестиной поплатишься семье:

Среди мужей Акаста хоть не числи,

Коль за сестру тебе не отомстит.

(Уходит со свитой и дарами.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Без Ферета и свиты.

Адмет

(вослед уходящему)

Проклятье вам – тебе и сень с тобою

Делящей; пусть при сыне вы живом

Бездетными на старости слывете.

А мой чертог – отныне вам закрыт.

И если б чрез глашатаев пришлось мне

Порвать навек с отцовским очагом,

Не откажусь. Но горе нас торопит.

Почившую святить огнем пора.

Тело поднимают. Плач.

Корифей

Преступная дерзость. Увы!

А ты, между жен благородных

О лучшая, ныне прости нам,

Да благ тебе будет Гермес

И мрачный Аид, а если

Там добрым бывает награда,

Ты с дивной Аида воссядешь,

Дары разделяя, невестой.

Шествие медленно удаляется. Хор сопровождает гроб, покидая оркестру. Адмет идет за гробом понурившись.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Раб

(из дому, из боковой двери)

Гостей видал я многих. Приходили
Из разных стран к Адмету и за стол
За пировой садились. Но такого
Мне не пришлось еще у очага
Сажать... Царя он в трауре находит
И все-таки идет в его чертог.
Мы подали что есть: другой бы, скромный,
Уважив горе, голод утолил
Поставленным на стол... А этот просто
Нас загонял... Ну, кончился обед
Берет он кубок емкий: чистым даром
Земли его он наполняет черной
И пьет, пока огонь вина по жилам
Не побежал. Он миртовой потом
Там голову себе венчает веткой,
Сбираясь петь. То был какой-то лай...
И странно так мешались звуки: горя
Адметова чуждаясь, песню гость
Выкрикивал, мы ж, челядинцы, выли
По госпоже, не смея пришлецу
Глаз показать заплаканных – то воля

Адметова была. И вот теперь
Какого-то проныру, вора, плута,
Грабителя, быть может, угощать
Я должен, не почтив царицы мертвой
Ни плачем, ни руки благословеньем.

(Плачет.)

Ведь мать была покойная рабам
И сколько раз от тягостного гнева
Спасала нас Адметова. Ну что ж?
Иль я не прав, что этот гость не в пору?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Слуга и Геракл, увенчанный миртом, с горящими глазами, без оружия.

Геракл

Ты! Что глядишь угрюмо, что тебя
Заботит, раб? Когда гостям ты служишь,
Печальным их лицом ты не смущай,
Приветлив будь. Перед тобой товарищ
Хозяина, а ты надул лицо,
Нахмурился – беда чужая мучит...
Щи сюда, учись, умнее будешь:
Ты знаешь ли, в чем наша жизнь?
Поди,
Не знаешь, раб? Да и никто не знает,
Жив будет ли наутро. Нам судьба
Путей не открывает: ни наукой,
Ни хитростью ее не купишь тайн.
Сообрази ж и веселись. За кубком
Хоть день, да твой, а завтра, чье-то завтра?
Ты из богов почти особо, друг,
Сладчайшую для смертного, Киприду.
И – в сторону все прочее! Моим
Словам, коль прав тебе кажусь я, следуй.
А, кажется, я прав...

Пойдем со мной,

(хлопает его по плечу)

Венками мы украсимся, и живо

От мрачных дум веселый плеск вина

О кубка борт тебя, поверь, отчалит.

Спесивому ж да хмурому, коль суд

Ты примешь мой, не жизнь, а только мука.

Слуга

Все это нам известно. Но теперь

Не до вина и не до смеху в доме.

Геракл

Но умерла чужая ведь. Чего ж

Вам горевать, когда свои-то целы?

Слуга

Кто цел? Беду-то нашу ты забыл?

Геракл

Скажи: не знал, коли Адмету верить...

Слуга

К гостям-то он не в меру добр, Адмет.

Геракл

Из-за чужих же мертвых нам не плакать!

Слуга

Чужих? Уж то-то очень не чужих.

Геракл

Он от меня не скрыл беды, надеюсь?

Слуга

Иди, пируй. Господ мы делим горе.

Геракл

Иль речь идет не о чужой беде?

Слуга

Когда бы так, ужли б я стал сердиться?

Геракл

Иль надо мной хозяин подшутил?

Слуга

В печальный дом ты б не вошел, пожалуй.²

Пауза.

Геракл

Старик отец иль из детей кто умер?

Слуга

Адметова жена скончалась, гость.

Минута молчания.

Геракл

Что говоришь? Я пировал у мертвой?

Слуга

Дверь от тебя стыдился он закрыть.

Геракл

Проклятие! Такой жены лишиться...

Слуга

Всех нас она сгубила в доме, всех.

Геракл

---

² Стихи 818–819: Слуга Не вовремя пришел ты к нам. Над домом нависло горе. Ты ведь видишь? В черном Мы все, остригли кудри...

В глазах его, конечно, были слезы:
Печаль лица и стрижки он не скрыл...
Но объяснил, что в землю опускают
Чужого человека. И, прогнав
Сомнения, в распахнутые двери
Вошедши, пил под кровом друга я,
Пока он здесь стонал. И до сих пор я
В венке... И ты виновен в этом, раб!
(Срывает и ломает миртовую ветвь.)

Слуга

Дорога здесь прямая на Лариссу:
Как выйдешь из поселка, гроб ее
Ты отличишь по вытесанным камням.
(Уходит в дом.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Геракл

(один)

Ты, сердце, что дерзало уж не раз,
Ты, мощная десница: вам сегодня
Придется показать, какого сына
Тириинфская Алкмена родила
Царю богов. Жену, что так недавно
В холодный гроб отсюда унесли,
Я в этот дом верну на радость другу.
Я в ризе черной демона, царя
Над мертвыми, выслеживать отправлюсь,
Его настичь надеюсь у могил,
До близкой жертвы жадного. Засаду
Покинув, пряну я и обовью
Руками Смерть. И нет руки на свете,
Чтоб вырвала могучую, пока
Мне не вернет жены. А коль охота
На демона не сладится и он
Кровавого вкусить не выйдет брашна,
Я опущусь в подземное жильё,
В тот мрачный дом царя глубин и Кору...
Я умолю, уговорю богов;
И мне дадут Алькесту, чтоб в объятья

Адметовы я мог ее вернуть.
Тяжелою десницей пораженный
Судьбы, меня он пира не лишил,
Он чтит во мне так благородно гостя.
В Фессалии, во всей Элладе кто
В радушии сравнится с ним? Но мужа
Не слабого, клянусь, и он ласкал.
(*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

КОММОС

(с новым вступлением хора)

Адмет и хор возвращаются в оркестру.

Адмет

Увы! Увы! О, ужас возвращенья!

О, вид постылый! В доме опустелом

Так страшно. Горе, горе надо мной.

Куда же пойду я? Где стану?

Что словом оплачу? Что молча?

На злую рожденный судьбину,

О, лучше б я умер!

Жребий почивших завиден,

Темный покой их так сладок.

Солнца мне тяжело сиянье,

Тошно мне двигать ногами.

Смертью в борьбе непосильной

Вырван из рук заложник;

Лучший заложник жизни

Там, в плену у Аида.

Хор

Строфа I

Пройди ж и затаися

В покое отдаленном.

Адмет

Ой, лихо мне!

Хор

Да, жребий твой достоин слез.

Адмет

О, тяжко мне!

Хор

Твой путь через страданье,

Я знаю это.

Адмет

Да, увы!

Хор

Но мертвой не поможешь ты.

Адмет

Увы! Увы!

Хор

Не видеть никогда

Черты лица любимого так горько...

Адмет

Сердце мое ты ранишь словами:

Мужу верной жены

Есть ли потеря ужасней?

Лучше бы с нею чертога

Мне не делить было,

Жребий безбрачных, жребий

Мне бездетных завиден.

Из-за души единой
Легче им скорби бремя.
Невыносимо видеть
Этих детей болящих,
Видеть на брачном ложе
Это насилие смерти.
Жизнь скоротать легче
Людам, коль брака чужды.

Хор

Антистрофа I

Судьбой неборимой
Настигнут ты, судьбою!

Адмет

Ой, тяжко мне!

Хор

И бедствиям предела нет.

Адмет

О, горе мне!

Хор

Но силы для терпенья
Нужны тебе.

Адмет

Увы! Увы!

Хор

Мужайся! Ты ль один терял...

Адмет

Увы! Увы!

Хор

Жену? Людей несчастье никогда
Не пощадит, но, настигая, душит.

Адмет

О, долгая скорбь о друге,
В землю от нас ушедшем!..
О, для чего ж ты мне не дал
С ней остаться в могиле?
Мертвому, хладное ложе
С лучшей из жен разделить мне?..

Вместо одной Аиду
Две бы досталось тени,
В лодке Харона дружных,
В доме его слитых...

Хор

Строфа II

Истинно слез достойный
Случай у нас был: умер
Юноша, был у отца он
Только один. Но стойко
Нес отец свое горе;
А сединою волос
Был у него подернут:
Жизнь уже шла к закату.

Адмет

В дом этот страшно войти мне.
Как буду жить в нем? Иная
Доля мне выпала. Помню,
Факелы с высей пелийских
Путь нам сюда озаряли,
Брачные песни помню...
За руку вел жену я,
Светлый шел хор следом,
Славил меня с Алькестой.
Знатны мы. Сколько было
Блеска в вельможной свите!
Плач погребальный лики
Брака сменяет... Черной
Ризою блеск покрылся.
И на пустое ложе
В дом одиноко влачусь я.

Хор

Антистрофа II

Мимо тебя покуда
Горе всегда проходило,
Слыл ты, Адмет, счастливецом,
Что ж? Ты сберег и ныне
Жизни дыханье. Нежно
Мертвой красу любил ты...
Но и других демон
Милой жены лишает!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Адмет

Друзья мои! Почившая счастливей,
Чем муж ее. Что солнце? Что Аид?
Уж никогда и никакое горе
Алькесты не коснется: от забот
Свободная, она приемлет славу
Великую. А что дала Адмету
Такой ценой им купленная жизнь?
Вот я сейчас ступлю за эти двери...
И кто же мне навстречу выйдет? Кто
Мне на привет ответит? А куда же,
Коль не домой, идти? Войду, и дом
Меня сейчас назад погонит; кресло,
Кровать ее увижу, неметеный
Порог, детей, которые, ко мне
В колени прячась, мать зовут и плачут...
Я стоны слуг услышу, что такой
Им не видать царицы. Трудно дома,
Не веселей и в людях. Или брак,
Иль общество веселое, где жены
Напомнят мне Алькесту – и домой
Потянет, в этот дом?.. А то приятель
Какой, меня увидев, скажет: «Вот

Позором жизнь себе купивший! смерти
Он избежал, отдав свою жену
Аиду. Что ж родителей корит он,
Коль струсил сам?» О, новая молва,
Привесок к злу Адмета! Для чего ж,
Скажите, жить еще, когда ни счастья,
Ни славы мне уж доброй не вернуть?

ЧЕТВЕРТЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ

Хор

Строфа I

Музам послушный,
К звездным вздымался я высям,
Многих наук причастен,
Но ужасней Судьбы я
Силы не знаю, – средства
Нет от нее на досках,
Что покрыла для смертных
Вещая речь Орфея.
И от нее лекарства,
Фебу послушны, не крошат
Асклеиады прилежно.

Антистрофа I

Ни алтарями,
Ни в изваянье не чтима,
Жертвы она не просит.
Мне ж, царица, молю я,
Будь ты такой, как прежде.
То, что угодно Зевсу,
Через тебя ведь творится.
Ломишь железо даже

Славу, Судьба, халибов.

И сожаленье чуждо

Воле твоей холодной.

Строфа II

И тебя, о Адмет, захватила Судьба

В необорные руки свои.

Но дерзай – ведь плачем к солнцу

Ты усопшей не воротишь...

И богов сыны вкушают

Мрак могильный. Нам Алькеста

Здесь была всех жен милее.

Мы ее и в царстве мертвых

Чтим любовно. Благородней

Жен не знало ложе брака.

Антистрофа II

А могила ее не на смертную стать,

Как божественный будет алтарь...

Точно храм скитальцу будет,

Для нее с пути склоняясь,

Так иной промолвит путник:

«Умерла она за мужа,

А теперь среди блаженных

И сама богиней стала,

Дай нам счастья, Алькестида!»

Вот, Адмет, царицы слава.

Корифей

Но посмотри: как будто сын Алкмены
Сюда идет... к тебе, конечно, царь!

ИСХОД

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Слева приходит Геракл. За ним нарядная и статная женщина, покрытая длинным покрывалом. Геракл и Адмет.

Геракл

Я не люблю, Адмет, гостя у друга,
Гнев на него в молчании копить.
Скажи мне, царь, иль я достоин не был
С тобой делить, как друг, твою печаль?
Ты от меня зачем-то скрыл, что в доме
Лежит Алькеста мертвая, сказав,
Что умерла чужая, и за пир
Заставил сесть, свершая возлиянье,
Увенчанным среди траурных палат...
Негодовать я должен бы, открывши
Обман, но зла к беде твоей, Адмет,
Не приложу. А для чего вернулся,
Узнайте все.

(Указывая на свою спутницу.)

Вот женщина – ее
Не откажись сбережь, пока обратно
Не буду я из Фракии, царя
Бистонского убийца и властитель
Его лихих коней. Избави бог,
Не ворочусь – а лучше бы вернуться,

Рабой тебе пусть остается, царь.
Больших трудов мне стоила. На играх,
Предложенных атлетам, получил
Я этот славный приз.
Сначала были
Там состязанья легкие, коней
Давали победителям, труднее
Была борьба и бой кулачный – тут
Осилившим стада быков давали.
Последний приз была жена. Не взять,
Раз случай есть, мне стыдно показалось
Такой награды дивной. Сбереги ж
Ее, Адмет, когда-нибудь потом
Сам, может быть, ты мне спасибо скажешь.

Адмет

(отстраняя рукой предложение)

И в помыслах Геракла оскорбить
Я не держал... Такой ли враг бывает?
Нет, если скрыл я смерть жены, так только
Чтоб нового страданья не принять,
Чужой очаг указывая другу.
Я не искал товарища беду
Домашнюю оплакивать.
Но эту
(указывая с некоторым страхом на женицину)
Другим отдай, пожалуйста, герой,

Которым жен сегодня хоронить
Не приходилось, между фессалийцев.
Не береги мне раны. На нее
Без слез глядеть не мог бы я... В чертоге
Несчастий мне довольно и своих...

Судьбой и так подавлен я...
И где ж бы
Я поместил ее? Так молода...

(Разглядывая рабу.)

О, молода, конечно... Что за пеплос!
Какой убор! Среди мужчин ее
Не поместишь... Да, между них вращаясь,
И чистой не остаться б ей. Ведь юных
Удержишь разве! Здесь я о тебе,
Конечно, думаю... Иль ей открыть
Покой жены? Но разве ж я дерзну
Алькестино отдать рабыне ложе?
Посыплются упреки на меня,
Пойдет молва, что, верно, изменяю
Я той, которая меня спасла...
Да и самой царицы память надо
Мне чистою среди людей хранить.
Ее ль забыть? О нет! А ты, рабыня,
Не знаю, кто ты? Но Алькесту мне
Напоминаешь. Тот же рост и стан.
О, горе мне!

(К Гераклу.)

Ради богов, скорее

С глаз уведи ее моих: того,

Кто уж убит, не убивай вторично.

Я будто тень Алькесты увидал:

Мутится ум, и слез бегут потоки,

И рана вновь открылась. Пожалей...

(Плачет.)

Корифей

Благословлять судьбу не предлагаю,

Но если бог что дал тебе – носи...

Геракл

О, если бы такую мощь имел я,

Чтоб из глубин земли на божий свет

Жену тебе, Адмет, вернуть на радость!

Адмет

Ты бы желал, я знаю. Только где ж?

Здесь, на Земле, людей не воскрешают...

Геракл

Смирять себя и свой удел носи...

Адмет

Терпение, герой, трудней совета.

Геракл

Из слез нам, царь, не выковать судьбы.

Адмет

Конечно нет. Но их любовь рождает.

Геракл

Да, мертвого нельзя любить без слез...

Адмет

Нет слов, Геракл, обнять мою утрату.

Геракл

Ты потерял примерную жену...

Адмет

А с ней навек и радости супруга.

Геракл

Печаль твою смягчат года, Адмет:

Теперь она, конечно, в полной силе.

Адмет

Зачем года?.. Скажи короче – смерть...

Геракл

Тоски жена убавит молодая...

Адмет

Что говоришь? Молчи. Иль я женюсь?

Геракл

Не женишься? Вдоветь покинешь ложе?..

Адмет

Избранница моя не родилась...

Геракл

Что ж? Мертвую ты ублажаешь этим?

Адмет

Где б ни была, ее я должен чтить.

Геракл

Хвалю в тебе супруга, не безумца...

Адмет

Безумец, пусть. Но только не жених.

Геракл

Ты – верный друг покойной, очень верный.

Адмет

И смерть меня накажет, если я

Ей изменю, хотя она в могиле.

Пауза.

Геракл

Но в дом прими ее: будь добрый друг.

Адмет

Нет, нет, отцом тебя молю я Зевсом.

Геракл

Ты пожалеешь, царь, что отказал.

Адмет

Приняв ее, я сердцем истерзаюсь...

Геракл

Послушайся. Сам будешь рад потом.

Адмет

Увы! Зачем ты брал награду эту?

Геракл

Чтоб верный друг со мной ее делил.

Адмет

Хвалю тебя. Но удали добычу!

Геракл

Коль надобно. Но надо ли, скажи.

Адмет

Не гневайся. Я уверяю – надо.

Геракл

Упорствуя, я тоже ведь не слеп.

Адмет

Я уступлю тебе, но без желанья.

Геракл

Потом меня похвалишь: покорись.

Адмет

(слугам)

Эй! Проводить в чертоги эту гостью!

Геракл

Я бы рабам ее не поручал.

Адмет

Тогда введи ее хоть сам, пожалуйста.

Геракл

(выразительно)

Тебе хочу с рук на руки отдать.

Адмет

(нетерпеливо)

Я не коснусь ее: сама пусть входит.

Геракл

Деснице я твоей ее вверял.

Адмет

Насилье, царь. Тут воли нет Адмета.

Геракл

Коснись до ней, ты только прикоснись.

Адмет

(протягивая руку)

Ну, вот моя рука. Но, право, будто

Мне голову рубить Горгоне надо.

Геракл

Взял за руку?

Адмет

Держу.

Геракл

(сдергивая покрывало)

И береги,

А Зевсова отныне числи сына

Ты благородным гостем. Погляди ж.

Что? На кого похожа? Вытри слезы.

Адмет

(после минутной паузы)

О боги... Нет... Иль это чудо? Нет...

Передо мной Алькеста. Не глумится ль

Над горьким бог какой-нибудь, скажи?

Геракл

Нет, точно здесь жена твоя, Алькеста.

Адмет

Не призрак ли ее, смотри, Геракл!

Геракл

Твой гость пока, а не Гермес с тобою.

Адмет

Не сам ли я Алькесту хоронил?

Геракл

Уверься, друг... Хоть, точно, это странно.

Адмет

Могу ль до ней коснуться и привет

К ней обратиться?

Геракл

Пожалуйста, Адмет...

Чего желал, ты всем теперь владеешь.

Адмет

(обнимая неподвижную, бледную и безмолвную Алькесту)

О милые черты! О нежный стан...

Мечтал ли я, что вас опять увижу?

Геракл

Она – твоя. Богов, однако ж, бойся

Завистливых...

Адмет

О благородный сын

Великого Кронида, будь же счастлив.

Да сохранит тебя отец за то,

Что ты один и нас и дом восставил.

Но как же ты ее добился воли?

Геракл

Затеял бой я с демонским царем.

Адмет

Ты с демоном сражался смерти, точно?

Геракл

Над самою могилой оцепил

Его руками я, засаду кинув.

Адмет

Но отчего ж она молчит, скажи?

Геракл

Богам она посвящена подземным,

И, чтоб ее ты речи услышал,

Очиститься ей надо, и три раза

Над ней должно, Адмет, смениться солнце.

Но в дом веди ее.

А сам всегда

Будь справедлив и гостя чти. Простимся.

Мне предстоит работа: для царя

Свершу ее, рожденного Сфенелом.

Адмет

Останься здесь: будь гостем дорогим.

Геракл

Нет, до другого раза. Дело ждет.

Адмет

Ну, добрый путь тебе, возврат счастливый!

Геракл уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ, и последнее

Без Геракла.

Адмет

Вы, граждане всех четырех концов
Фессалии, почтите хороводом
Счастливым день, и жир на алтарях
Пускай, дымясь, богам отраден будет!
Я зависти небесной не боюсь
И солнцу говорю: «Гляди – я счастлив».

(Уходит в дом с Алькестой среди радостных восклицаний.)

Последние лучи солнца.

Хор

(удаляется под мерные звуки анапестов)

Воли небесной различны явления:
Смертный не может ее угадать.
Много проходит бесследно надежд,
Многое боги нежданно дают,
Драме ж на этом и славу поют...

ПРИМЕЧАНИЯ

Согласно античным свидетельствам, Еврипид написал девяносто две драмы, часть которых была утеряна довольно рано. Однако александрийские филологи III в. до н. э. еще располагали не менее чем семьдесятю пятью его подлинными произведениями, и выпущенное ими издание было широко известно в античном мире в течение последующих четырех-пяти веков. Во II в. н. э., вероятно, во времена римского императора Адриана (117 – 138), неизвестный составитель, руководствуясь сложившимися читательскими симпатиями и нуждами школы, отобрал из трагедий великих афинских драматургов по семь произведений Эсхила и Софокла и десять – Еврипида («Алькеста», «Медея», «Ипполит», «Андромаха», «Гекуба», «Троянки», «Финикиянки», «Орест», «Вакханки» и «Рее»). К этому изданию восходят четыре средневековые рукописи XII–XIII вв., в то время как две рукописи XIV в. содержат, кроме перечисленных выше, еще девять пьес Еврипида. Так как их названия начинаются со следующих в греческом алфавите друг за другом букв Ε, Η, Ι, Κ (эпсилон, эта, йота, каппа), а в античных изданиях трагиков драмы следовали друг за другом как раз в алфавитном порядке названий, то не вызывает сомнений история возникновения подобного свода трагедий Еврипида: какому-то издателю случайно попали в руки два папирус-

ных тома из полного собрания произведений Еврипида, которые он и присоединил к уже имевшему широкое хождение сборнику из десяти пьес. Кем и когда было составлено это более обширное издание, не известно; судя по находимым до сих пор папирусным отрывкам, Еврипида читали в греческих городах Египта вплоть до V–VI вв. н. э. Как показывают рукописи, обнаруженные совсем недавно в Хирбет-Мирде (район Мертвого моря), трагедии Еврипида попали на рубеже раннего Средневековья в иудейские поселения Палестины или даже к населявшим их позже арабам. Во всяком случае, до нового времени дошло девятнадцать произведений Еврипида, в том числе сравнительно большая группа трагедий последних лет его жизни (от «Электры» до «Ифигении в Авлиде») и единственная целиком сохранившаяся сатировская драма «Киклоп». Принадлежность Еврипиду дошедших произведений бесспорна, кроме трагедии «Рес», в подлинности которой возникли сомнения уже в древности. Недостатки в драматическом построении и ряд стилистических особенностей приводят большинство современных исследователей к мысли, что «Рес» написан в IV в. может быть, не без влияния одноименной трагедии Еврипида, впоследствии утраченной. В настоящем издании она помещена в приложении ко II тому.

Первые переводы Еврипида на русский язык стали появляться в начале XIX в.: еще А. Мерзляков перевел отрывки из «Алькестида», «Гекубы» и «Ифигении в Тавриде». До

сих пор сохраняют художественное значение переводы В. И. Водовозова («Ифигения в Авлиде», 1888), В. Г. Аппельрота («Гераклиды», 1890), Д. С. Мережковского («Медея», «Ипполит», 1895, 1902 и ряд переизданий), А. В. Артюшкова («Ион», «Киклоп», в его сб. «Котурн и маски», 1912), А. И. Пиотровского («Ипполит», в его сб. «Древнегреческая драма», 1937; несколько неизданных переводов А. И. Пиотровского хранятся в РГАЛИ). Но единственным поэтом, который осуществил перевод полного корпуса драм Еврипида, оставался Иннокентий Федорович Анненский (1855 – 1909), один из первых русских символистов. Он работал над ним около 15 лет, это стало подвигом его жизни. Для русского читателя XX в. Еврипид воспринимается только через призму перевода Анненского; настоящее издание – это литературный памятник сразу двух эпох, греческой классики и русского модернизма.

Перевод Анненского высокохудожествен, но это не значит, что он идеален. В духе своего времени Анненский представлял себе Еврипида таким, каким ощущал себя сам: утонченным, одиноким, непонятым – так сказать, облагороженным и гармонизированным образом «проклятого» поэта-декадента. От лица такого Еврипида он и писал свои русские тексты еврипидовских драм. Современникам это было очевидно. Ф. Ф. Зелинский, его товарищ по филологии и сам переводчик Софокла, писал в статье «Памяти И. Ф. Анненского»: «То, что нам дал И. Ф., – это не просто русский Ев-

рипид, а именно русский Еврипид И. Ф. Анненского, запечатленный всеми особенностями его индивидуальности. Мы можем сколько угодно отмечать его несогласие с подлинным Еврипидом; но если бы мы пожелали – и смогли – передать последнего по-своему, то все-таки вышел бы именно наш Еврипид, а не Еврипид просто. Специально И. Ф. очень дорожил индивидуальными особенностями своего перевода и сдавался только перед очевидностью».

Читатель нашего издания не должен забывать об этом ни на минуту. Причины «несогласия» перевода Анненского «с подлинным Еврипидом» были разные. Во-первых, те издания греческого текста, с которых делал сто лет назад свои переводы Анненский, уже не могут считаться достаточно удовлетворительными: многие места в наши дни читаются и понимаются по-иному. Во-вторых, стиль Еврипида – монументально четкий, сжатый, связный, логичный, как и у других аттических трагиков, – не всегда вязался с его представлением о Еврипиде, и он начинал украшать его собственными средствами эмоциональными эпитетами, прерывистыми интонациями, красивыми словами, порой нарочито анахроничными (герольд, девиз, вуаль и проч.). В-третьих, Анненский лишь условно передавал стиховую форму подлинника: в монологах и диалогах он переводил греческий «ямбический триметр» русским (более коротким) 5-стопным ямбом, избегал передачи маршевых анапестов (важных в трагедии), очень свободно передавал непривычный русскому читателю

ритм хоровых партий, не всегда соблюдал симметрию строк и антистроф, изредка вводил рифму, которой античность не знала. От этого его перевод получался гораздо многословнее подлинника: на десять строк Еврипида у Анненского обычно приходится 12–13 строк перевода, это видно по нумерации на полях в нашем издании, соответствующей подлиннику, а не переводу. В-четвертых, наконец, он целиком от себя вписывал в текст Еврипида сценические ремарки, декораторские и режиссерские, руководствуясь только вкусами и представлениями своего времени: они должны были изображать не античную сцену, а идеальную сцену, будто бы «предносившуюся воображению поэта» (по изысканному выражению Ф. Ф. Зелинского).

Чтобы сквозь эту толщу стилистических деформаций читатель мог представить себе то, что действительно видел и слышал афинский зритель Еврипида, напомним, как выглядел греческий театр. Он располагался под открытым небом, ряды зрительских мест шли полукругом (обычно по склону холма), вмещая 20 – 30 тысяч человек. Представление происходило внизу, на круглой площадке – оркестре («плясочное место») с алтарем посередине. В представлении участвовали хор и только три актера, так что каждому обычно приходилось играть несколько ролей (предположительное распределение ролей между тремя актерами Анненский отмечает в списках действующих лиц цифрами I, II, III). Позади оркестры единственной декорацией служила стена палатки

(«скены») с тремя дверями, в которой переодевались актеры; к ней вело несколько ступеней. Обычно она была расписана как фасад дворца или храма. Если актер выходил из средней двери, это значило, что он – царь или вождь, если из боковой – то лицо низшего ранга. Если актер входил на оркестру слева, это значило, что он пришел из ближних мест, если справа – то с чужой стороны. (Анненский не забывает упоминать об этом в ремарках.) Актеры играли в больших масках и в условных пышных одеждах – для царя, для служителя, для женщины, для человека в трауре и т. п.; это позволяло различать их издали, но никакая мимика в масках, конечно, была невозможна. Содержание пьесы было зрителям заранее неизвестно, поэтому начиналась трагедия монологом или диалогом, сообщавшим зрителю предысторию разыгрываемой мифологической ситуации. Эта начальная сцена называлась «пролог»; затем на оркестру вступал хор из 15 человек с «корифеем» (предводителем) во главе; вступительная песнь хора называлась «парод». Корифей иногда подавал реплики актерам, остальные хоревты только пели и плясали. Действие представляло собой чередование монологических и диалогических сцен («эпизодиев») с песнями хора («стасимами»); Анненский называет эпизодии «действие первое» и т. д., а стасимы – «первый музыкальный антракт» и т. д. Песни хора состояли из попарных «строф» и «антистроф» на один и тот же мотив и с одинаковыми движениями; изредка строфам и антистрофам предшествовал «про-

од», а в середине песни пелся «месод». Иногда песни пелись и актерами, особенно в «коммосах», сценах оплакивания, – соло («монодии») или в диалоге с хором; Еврипид особенно славился такими жалобными ариями. Заключительная сцена после последней песни хора – называлась «эксод» (у Анненского – «исход»). Представить борьбу, убийство, ослепление и проч. в таком театре было невозможно – о них рассказывал вестник. Чтобы показать внутренность дворца (например, после детоубийства Геракла), на оркестру выкатывался специальный помост; Анненский в таких случаях обычно пишет: «Раскрываются двери дворца...» Чтобы представить появление бога (обычно в развязке трагедии), над палаткой выдвигался специальный балкон («альтан», называет его Анненский по-испански). Такова была реальность афинской сцены, которую Анненский всячески старался заслонить от читателя своими лирическими ремарками.

Анненский не успел опубликовать при жизни все свои 19 переводов Еврипида. Отдельным двуязычным изданием вышли «Вакханки» (1894); в «Журнале Министерства народного просвещения» были напечатаны «Рес» (1896, 9 – 10), «Геракл» (1897, 7 – 9), «Ифигения-жертва» (1898, 4 – 5), «Электра» (1899, 4 – 5), «Орест» (1900, 1 – 3), «Алькеста» (1901, 3), «Ипполит» (1902, 3 – 5), «Медея» (1903, 5 – 7); в журнале «Мир Божий» – «Финикиянки» (1898, 4); в 1906 г. вышел «Театр Еврипида», т. 1 (из предполагавшихся трех), включавший «Алькесту», «Медею», «Иппо-

лита», «Геракла» и впервые публикуемых «Иона» и «Киклопа». Каждый перевод сопровождался статьей с разбором пьесы, но без примечаний. После смерти Анненского право на издание «Театра Еврипида» купило издательство М. и С. Сабашниковых и в 1916, 1917, 1921 гг. успело выпустить три тома (из предполагавшихся шести), включавших «Алькесту», «Вакханок», «Геракла», «Ипполита», «Ифигению Авлидскую», «Иона», «Киклопа» и впервые публикуемых «Андромаху», «Гекубу», «Гераклидов», «Елену» и «Ифигению Таврическую» («Ифигению-жрицу»). «Умоляющие» и «Троянки» остались неизданными и долго считались потерянными.

Сабашниковское издание выходило под редакцией Ф. Ф. Зелинского. Свои редакторские права он понял очень широко и не только снабдил его примечаниями и статьями (к тем драмам, к которым Анненский не успел их написать), но и внес большую правку в стихотворный текст Анненского – чтобы приблизить перевод к подлиннику и отчасти чтобы (по своему разумению) улучшить стиль. Исправлены и переписаны были подчас по четверти и более строк в каждой трагедии. Те, кому дороже был Еврипид, радовались; те, кому дороже был Анненский (прежде всего наследники поэта), негодовали; вспыхнул газетный скандал (материалы его напечатаны в предисловии ко второму сабашниковскому тому). Последствий это не имело, так как издание оборвалось на следующем томе.

Следующее издание – первое полное издание Еврипида на русском языке вышло лишь в 1969 г. в издательстве «Художественная литература» в двух томах под ред. В. Н. Ярхо. Здесь текст Анненского был по большей части восстановлен: все трагедии, напечатанные самим поэтом, воспроизводились по этим прижизненным изданиям, и лишь «Вакханки» (самый ранний и неудачный из переводов Анненского) и некоторые места в других трагедиях печатались по редакции Зелинского. Однако в это издание была внесена редакция другого рода: были выброшены все фантастические ремарки Анненского (поощаженные Зелинским), а членение текста на «действия», «музыкальные антракты» и «исход» было заменено членением на «эпизодии», «стасимы» и «эксо́д». Трагедии «Просительницы» («Умоляющие») и «Троянки» были напечатаны в переводе С. В. Шервинского, сделанном специально для этого издания. В 1980 г. это издание было повторено (с новым комментарием) в издательстве «Искусство»; «Просительниц» и «Троянок» для него перевел С. К. Апт (хотя в это время уже стало известно, что, по крайней мере, первая в переводе Анненского сохранилась в архивной рукописи).

Предлагаемое читателю новое издание впервые дает полного Еврипида в подлинном переводе И. Ф. Анненского. Все трагедии, печатавшиеся при жизни поэта, воспроизводятся по этим прижизненным изданиям, включая и «Вакханок». Правка Зелинского снята не только там, где его текст можно

было сверить с прижизненными изданиями, но и там, где его можно было сверить с рукописями, хранящимися в фонде Анненского в РГАЛИ – в «Андромахе», «Ифигении в Тавриде» и первых 483 стихах «Гекубы». Таким образом, редактора Зелинского поневоле сохраняется только в «Гераклидах», «Елене» и частично в «Гекубе», рукописи которых остаются недоступны. Ремарки Анненского всюду восстановлены. Мы позволили себе лишь унифицировать транскрипцию некоторых собственных имен («Пенфей» вместо «Пентей», «Гекуба» вместо «Гекаба», «Итака» вместо «Ифака», «Тесей» вместо «Фесей»). «Умоляющие» печатаются по наборной копии, сохранившейся в архиве издательства Сабашниковых в рукописном отделе РГБ. «Троянки» печатаются по автографу (отчасти беловому, отчасти черновому), сохранившемуся в архивном фонде И. Анненского в РГАЛИ. Архивной сверкой текста занимался М. Л. Гаспаров. Составители приносят глубокую благодарность В. Гитину, который поделился с ними материалом подготовленной им книги «Неизданный «Театр Еврипида» Анненского» («Умоляющие» и «Троянки» с сопровождающими их статьями, статьи Анненского «Еврипид и его время» и «Афины V века» и др.) – это позволило уточнить многие чтения в неразборчивом черновике «Троянок».

В.Н. Ярхо

«АЛЬКЕСТА»

«Алькеста» была поставлена на Великих Дионисиях в 438 г. до н. э, в составе тетралогии, в которую входили несохранившиеся трагедии «Критянки», «Алкмеон в Псофиде» и «Телеф». Поскольку «Алькеста» занимала здесь четвертое место, обычно отводимое для драмы сатиров, некоторые исследователи стремятся найти в этой драме юмористические или даже бурлескные ситуации, но такие попытки едва ли основательны: бытовой элемент, несомненно присутствующий в образе Ферета, обрисованного не без доли иронии, в принципе не отличает его существенно хотя бы от кормилицы в «Ипполите», а в этой трагедии никто не станет искать черты драмы сатиров. Близость «Алькесты» к названному жанру пытались усмотреть также в образе Геракла – одного из любимых персонажей драмы сатиров, комедии и народного фарса; между тем в «Алькесте» Геракл играет самую положительную роль, и его борьба с демоном смерти за ушедшую из жизни Алькесту как раз приводит трагедию к счастливой развязке, позволившей Еврипиду заключить ею тетралогию. Именно благополучный конец, отнюдь не частый в трагедиях Еврипида 430-420-х годов, скорее всего объясняет постановку «Алькесты» вместо сатирической драмы, к которой наш поэт вообще не испытывал особого влечения (см. т. II, с. 600).

Тетралогия, которую заключала «Алькеста», заняла второе место; первая награда была присуждена Софоклу.

Хотя гомеровский эпос знает имена Адмета, Алькесты и их сына Евмела, участника Троянской войны («Илиада», II, 713 – 715, 763; XXIII, 288 – 289 и сл.), в поэмах нет никаких намеков на миф о добровольной смерти и воскресении Алькесты; он был обработан впервые, по-видимому, только в каталогообразной поэме «Зои», приписывавшейся Гесиоду. От нее дошли лишь незначительные отрывки, и содержание мифа известно по позднеантичным пересказам. Из предшественников Еврипида сюжет «Алькесты» получил обработку в несохранившейся одноименной драме аттического трагика Фриниха (первая четверть V в.), из которой Еврипид заимствовал образ бога смерти Танатоса (у Анненского он назван демоном смерти) и его борьбу с Гераклом за умершую Алькесту.

Имя героини трагедии *Alcesus*, на русском языке правильнее всего транскрибируется «Алкестида». Анненский предпочел вариант «Алькеста», легче ложившийся в стих; Ф. Ф. Зелинский по своему усмотрению переделал его в «Алкесту». В «Театре Еврипида» 1906 г. трагедия напечатана с посвящением Е. М. Мухиной, жене педагога – сослуживца Анненского и его постоянной корреспондентке, и с эпиграфом «*The strangest, saddest, sweetest song of his / Alcestis... – R. Browning*» («...самая странная, скорбная, сладкая песнь о его Алкестиде...») – из поэмы Р. Браунинга на сюжет ле-

генды о том, как афинские пленники на чужбине получили свободу за то, что спели победителям песни из последних трагедий Еврипида.

Ст. 3..Асклепия сразил он... – Когда сын Аполлона Асклепий, слывший искуснейшим врачом, попытался оживить умершего, Зевс поразил его молнией. Разгневанный Аполлон, бессильный отомстить Зевсу, убил тех, кто изготовил смертоносный огонь, – киклопов, и за это был отдан в рабство Адмету (ср. ст. 122 – 129).

Ст. 11. Девы судьбы – Мойры.

Ст. 23...вежд да не коснется скверна. – Богам не подобает созерцать смерть людей (ср. «Ипполит», ст. 1437 сл.).

Ст. 38...истина и слава. – В подлиннике – «справедливость и обоснованность»: Зелинский исправлял: «честь и правда».

Ст. 65...от Еврисфея муж... зайдет... – Геракл, отправляющийся за конями фракийского царя Диомеда (ст. 481 – 498); к этому эпизоду Еврипид приурочивает посещение Гераклом дома Адмета. Слова Аполлона (ст. 65 – 71) характерны для драматической техники Еврипида, любившего сообщать о развязке трагедии задолго до ее наступления.

Ст. 92. Пеан – «целитель», «избавитель»; культовое прозвище Аполлона.

Ст. 99. Обряд воды ключевой. – Чтобы очиститься от скверны, навлекаемой соприкосновением с покойником или даже одним его видом, у дома, который посетила смерть, ста-

вили чаши с ключевой водой для омовения рук.

Ст. 101...сбритых волос... – Обычно пряди волос, обретенные в дар умершему, оставляли на его могиле, а не у дверей дома.

Ст. 112–135. Встречающиеся у Анненского переводы хороших партий рифмованным стихом, не свойственным древнегреческой поэзии, представляют один из возможных способов передачи на русском языке музыкально-ритмической структуры, присущей оригиналу.

Ст. 114–116...Ликийской земли... – В Ликийи (в Малой Азии) находился известный храм Аполлона; святилище Зевса-Аммона – в Ливии (Сев. Африка).

Ст. 163. Взмолилася владычице... – скорее всего, Гестии, хранительнице домашнего очага.

Ст. 177–182. Прощание Алькесты с брачным ложем сравнивают обычно со словами Деяниры из «Трахинянок» Софокла (ст. 920–922), видя в последних результат влияния Еврипида на своего старшего собрата по искусству.

Ст. 206. Ей хочется на солнце. – После этого стиха в рукописях следуют еще два стиха, обычно изымаемые издателями, так как они повторяют ст. 411 сл. из «Гекубы». Вот их перевод:

Ведь навеки
Она с его сиянием лучистым
Прощается сегодня.

Ст. 226. Увы! – После этого восклицания в рукописях утерян один стих, дававший ритмическое соответствие ст. 213 в строфе.

Ст. 393–415. Монодия Евмела – первый случай в сохранившихся древнегреческих трагедиях, когда дети имеют самостоятельную партию. Другой пример – в «Андромахе», ст. 504 – 536.

Ст. 424. Пеан – здесь: траурная песнь, обращенная к подземным богам.

Ст. 431. Двенадцать лун... – траур необыкновенной продолжительности; в Афинах полагалось носить траур по родителям в течение одного месяца.

Ст. 445 – 450. Подвиг Алькесты будет воспет, по мнению хора, на мусических состязаниях в честь Аполлона Карнейского в Спарте («семиструнной лирой») и в трагедиях (ябезлирным гимном», так как трагедийные хоры исполнялись в сопровождении флейты). В афинском театре сказание об Алькесте послужило сюжетом уже упомянутой драмы Фриниха.

Ст. 459. Кокит – река в подземном царстве.

Ст. 485. Бистоны – фракийское племя.

Ст. 502. Ликаон, Кикн. – Сражение Геракла с Ликаоном в других источниках не упоминается, единоборство же с Кикном составляет сюжет приписываемой Гесиоду поэмы «Щит Геракла». Ср. также «Геракл» Еврипида, ст. 389 сл.

Ст. 509. Персеид. – По мифологической генеалогии, Ге-

ракл приходился правнуком Персею. См. примеч. к «Гераклидам», ст. 36.

Ст. 560...хозяин мой – Геракл. – Адмет связан с Гераклом древним обычаем проксении, т. е. взаимного гостеприимства, целиком сохранявшим свое значение во времена Еврипида.

Ст. 570 сл. Бог пифийский – Аполлон. Хор вспоминает о пребывании Аполлона в Фессалии.

Ст. 580. Офрис – гора в Фессалии.

Ст. 590. Бебида – озеро в Фессалии.

Ст. 594. От Молосского предела. – Племя молоссов населяло горные районы северо-западной Греции.

Ст. 638 сл...едва ли ты даже был моим отцом... – Этот стих и следующие, вынесенные в примечание, многие исследователи считают неподлинными: гордый своим происхождением, Адмет не мог бы во всеуслышание объявлять себя сыном рабыни.

Ст. 747. Относительно редкий случай в древнегреческой трагедии, когда хор покидает оркестру, чтобы снова вернуться перед заключительной частью драмы (ст. 861 сл.). Аналогичный прием в «Аяксе» Софокла (ст. 813 сл. и 866).

Ст. 818 сл. Стихи, вынесенные в примечание, исключаются большинством издателей как неподлинные и нарушающие принцип стихомифии.

Ст. 903–910. В этой строфе видят намек либо на философа Анаксагора, потерявшего единственного сына, либо на

несчастье, постигшее самого Еврипида.

Ст. 968...вещая речь Орфея... – Традиция приписывала Орфею целую совокупность философских, этических и медицинских наставлений (так называемое учение орфиков), в том числе рекомендации для исцеления от физической и душевной боли.

Ст. 971. Асклеиады – врачи, служители Асклепия.

Ст. 980. Халибы – легендарное племя, по представлению древних обитавшее в Южном Причерноморье; халибы считались особо искусными в обработке железа.

Ст. 1119. Стих разделен на три реплики, как и ст. 391. Там Адмет терял Алькесту, здесь вновь ее обретает.

Ст. 1128. Гермес – здесь он назван как посредник между земным и подземным миром.

Ст. 1150. Царь, рожденный Сфенелом, – Еврисфей.

Ст. 1154...всех четырех концов Фессалии... – В историческую эпоху Фессалия, где находился город Феры – резиденция легендарного Адмета, делилась на четыре области – тетрархии. Однако Феры сами входили в состав одной из таких тетрархий – Пеласгиотиды, а не являлись самостоятельной тетрархией, и владения их отнюдь не простирались так широко, как об этом поет хор в ст. 588 – 596.

В.Н. Ярхо